
КСЕНИЯ МЯЛО

И СНОВА АВГУСТ

В середине сентября министр иностранных дел РФ С. А. Лавров выступил на страницах “Независимой газеты” с пространной статьёй, которую можно считать первой, на столь высоком уровне, попыткой российского руководства обосновать признание им независимости Абхазии и Южной Осетии не только ситуативно (как это делалось в первые недели после начала грузинской агрессии), но именно с позиций права. И даже больше: предъявить миру некую философию права, которой, как даётся понять, придерживается и твёрдо намерена придерживаться впредь Российская Федерация, призывая к этому и всех остальных членов “международного сообщества”.

“Мы никогда не согласимся, – говорится в заключительной, знаменательно озаглавленной “Торжество права и свободы”, части этого своего рода трактата, – с правовым нигилизмом в мировых делах, с отношением к международному праву как к “дышлу” и “уделу слабым”, с любыми попытками “срезать углы” в ущерб международной законности, являющейся воплощением нравственного начала в отношениях между государствами. Мы, выражаясь словами Фёдора Тютчева, хотим “раз и навсегда утвердить торжество права, исторической законности над революционным способом действий” (“НГ”, 15 сентября, 2008 г.)

Что ж, в “поствестфальском” мире, где всё больше размываются три с половиной века протерпевшиеся, пусть и с неизбежным несовершенством, критерии суверенитета и признания новых, провозглашающих свою независимость государств, а также правила объявления и завершения войны, подобную попытку можно было бы только приветствовать. И в самом деле, почему бы не России, на разных этапах своей истории так много усилий (и нередко в ущерб своим собственным интересам – как то было, например, в эпоху Священного союза) прилагавшей к созданию устойчивого миропорядка, сказать то слово, в котором так остро нуждается сегодня планета? Ну, а отсылки к Фёдору Ивановичу Тютчеву всегда украсят любой текст, хотя процитированные министром слова и были сказаны в другой связи и по другому поводу. И всё-таки перед нами, на первый взгляд, попытка сформулировать (наконец-то!) какую-то внятную и целостную стратегию поведения России в новых, столь изменившихся условиях, подведя под неё серьёзные философские и правовые (а стало быть, и нравственные) основания, которую, повторяю, можно было бы только приветствовать, но... Вот парадокс: позиция России, на первых порах апеллировавшей, в основном, к факту агрессии и долгу защиты своих граждан, выглядела – по крайней мере, в том, что касается Республики Южная Осетия, – гораздо более убедительной, нежели теперь, когда зазвучали велеличные обещания не допустить превращения права в “дышло”, пресечь практику двойных стандартов и т. д. и т. п. Ибо подобные притязания, в конечном счёте, всегда поверяются практикой, как практикой были поверены и не выдержали испытания притязания США на роль глобального лидера, защитника демократии и прав человека в любой точке подлунного мира. А то, как именно осуществилось признание двух из трёх постоянно обращающихся к России с такой просьбой, в це-

лом же из четырёх непризнанных государств на постсоветском пространстве, лично мне (всегда, напомним, выступавшей за осуществление “исторической законности”, как минимум, в отношении тех, кто взывал к России об этом) привело на ум ставшие легендарными, но вполне достоверные (их приводит в своих знаменитых лекциях и В. О. Ключевский) слова Богдана Хмельницкого: “Не того мне хотелось, и не так тому делу было быть...”

Что подразумевал великий гетман под “не так” – тема отдельного разговора, и очень важная для прояснения российско-украинских отношений. Так что, возможно, когда-нибудь я к ней и обращусь. Но вот если говорить о ситуации “после августа 2008”, судьбе оставшихся за бортом (а честнее сказать, выброшенных за борт) непризнанных, а стало быть, и проблеме “исторической законности” в целом, то здесь подобное “не так” просто бросается в глаза. Бросается к тому же тем резче, что совсем недавно, сразу после 17 февраля 2008 года и думских слушаний 13 марта, на которые были вынесены обращения Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья с просьбой о признании их государственности, у РФ была возможность выступить именно как арбитр права. Её позиция в таком случае была бы практически безупречна: она не только показала бы, что слова её не расходятся с делами, но и что она действительно не приемлет двойных стандартов. И что лишь нежелание усугублять сложную обстановку в мире заставляло её длить противозаконную ситуацию, возникшую вследствие нарушений Конституции СССР и международного права, допущенных при роспуске Союза. Запад, признав сецессию Косова от Сербии, первым пересёк “красную линию” – что ж, Запад был предупреждён, и для сохранения несправедливого status quo уже не оставалось никаких убедительных причин. Если они и вообще когда-либо существовали. Ведь ни один из изобиловавших в те дни апокалипсических прогнозов (рисовались страшные картины распадающихся на части едва ли не всех государств – членов ООН, усеянные трупами улицы азиатских городов и прочее в том же роде) не подтвердился. Реакция же Запада на куда как более крутой кавказский вираж России оказалась поразительно – и для многих неожиданно – слабой.

Маршалл Голдман, заместитель директора Дейвис-центра российских и евразийских исследований Гарвардского университета, поясняет: реакция Запада “оказалась слабой со стороны Европы – в силу её зависимости от российских поставок газа, а со стороны США – потому что они завязли в Ираке и Афганистане” (“НГ”, 1 сентября 2008 года). Что ж, убедительно. Но разве эти же факторы не действовали в феврале-марте 2008 года, когда проблему “непризнанных” можно было решить не только более справедливо, но и куда как менее кроваво? Потому что поступи Россия иначе, она уже тогда могла бы заключить с ними те соглашения, которые заключает с Абхазией и Южной Осетией только сегодня, **после** крови. Когда на улицах Цхинвала мир и в самом деле увидел трупы. Если же мне возразят, что это, мол, всё “бы” и ещё неизвестно, как тогда развивались бы события, ответу: подобное возражение тоже основано на “бы”, а вот неоспоримым фактом остаётся то, что Россия даже и не попыталась обратиться к первому варианту. А стало быть, остаётся вопрос: почему? И почему, когда стало ясно, что это было ошибкой, историческая несправедливость оказалась исправленной только наполовину, а стало быть, – усугублённой?

* * *

Не хотелось бы думать, что именно такой, силовой, вариант по ряду причин оказался более предпочтителен для РФ (картина геноцида налицо, а в перспективе возможна и смена руководства Грузии), хотя среди множества догадок и предположений есть и такая, почву для чего создаёт уже сам по себе запутанный ход августовских событий на Кавказе, а в ещё большей мере – отсутствие внятных объяснений со стороны властей. До сих пор нет ясности в вопросе о причинах промедления с вводом в зону военных действий 58-й армии, что дало повод для появления в первые, самые страшные, сутки войны переполнивших Цхинвал слухов о “предательстве России”, будто бы решившей закрыть таким образом югоосетинскую проблему. Об этом публично заявил даже вице-премьер Республики Южная Осетия Борис Чочиев (“НГ”, 1 сентября 2008 г.), и, должна признаться, такая же мысль вначале пришла в голову и мне. Теперь ясно, что подобного, к счастью, не было, но причины промедления по-прежнему туманны. А версии, предлагаемые должностными лицами, притом – весьма высокого ранга, сбивчивы и нередко

очевидным образом противоречат друг другу. Так, например, Сергей Иванов в своём интервью каналу EuroNews (14 августа 2008 года) заявил, что, мол, если бы мы могли подумать о возможном нападении Саакашвили, то, конечно, заранее подтянули бы группировку к Рокскому тоннелю, и армия была бы в Цхинвале через полтора-два часа после начала агрессии. Но позвольте: ведь о том, что к границе подтягиваются грузинские войска, что на окружающих Цхинвал высотах оборудуются огневые точки, здесь не знали разве что самые малые дети – для этого даже не требовалось располагать данными разведки, а ведь они наверняка имелись у соответствующих российских инстанций. И ведь ещё 2 августа власти Республики Южная Осетия официально обратились к РФ и ОБСЕ с просьбой повлиять на Грузию и предостеречь власти этой страны от действий, которые могут спровоцировать грузино-осетинскую войну. Тогда же обстрел осетинских сёл стал столь интенсивным, что в Цхинвале объявили о начале эвакуации гражданского населения и возможной всеобщей мобилизации. А уже в ночь с 6 на 7 августа над Цхинвалом, о чём сообщали и работавшие в югоосетинской столице корреспонденты, гремела настоящая канонада, в республиканскую (через сутки разрушенную) больницу доставляли раненых, причём, по заключению врачей, раненных из крупнокалиберного оружия. Нет, версия неожиданности, как видим, никакой, даже самой мягкой проверки на прочность не выдерживает. К тому же, напомним, ещё 29 мая Ю. Неткачев, бывший командующий 14-й армией, некогда дислоцированной в Приднестровье, а затем заместитель командующего Группой Российских войск в Закавказье, на страницах “Независимой газеты” предупреждал о неизбежности войны и о том, что начнётся она именно в Южной Осетии. Не прислушались?

А вот что рассказывает посол по особым поручениям МИДа РФ Юрий Попов, 7 августа в 14.30 выехавший в Цхинвал из Тбилиси, куда приезжал для ведения переговоров. По дороге у автомобиля лопнула шина, и “...пока я ждал (а дело происходило в 10 км от Гори), с большим интересом (?) наблюдал, как мимо меня в направлении Цхинвала движется грузинская бронетехника и транспорт с личным составом”.

“Интерес”, полагаю, не слишком подходящее здесь слово; но, во всяком случае, хочется думать, что Москва была проинформирована своим порученцем о происходящем и могла сделать соответствующие выводы. Тем более, что, как продолжает Ю. Попов, “подготовка к агрессии велась давно и планомерно. Хотя имеется версия, что Саакашвили принял это решение импульсивно, под воздействием чего-то такого, что его сильно напугало. То есть решение о военной операции могло быть индуцировано извне. Вместе с тем очевидно, что удар планировался именно в ночь с 7 на 8 августа, когда внимание всего мира было приковано к открытию Олимпийских игр. А к этому времени на южных подступах к Цхинвалу была стянута ударная войсковая группировка Грузии” (“НГ”, 1 сентября 2008 года. Курсив мой. – К. М.).

Вскользь упомянутая Ю. Поповым версия об “испуге” Саакашвили не так проста и, тем более, не так комична (ведь все видели, что президент Грузии и в самом деле пуглив), как то может показаться на первый взгляд. Здесь речь об испуге другого рода, присутствуют довольно мрачные обертоны: ведь и натовские эксперты, не подтвердившие утверждений Саакашвили о проникновении российской военной группировки на территорию Южной Осетии ещё 7 августа, не отрицают, что грузинское руководство и впрямь по каким-то причинам могло так думать. То есть что, иными словами, могла иметь место “деза”, действительно запущенная извне. Но откуда и с какой целью – это тема не для домыслов. Остаётся лишь надеяться, что когда-нибудь мы получим более ясную и точную картину закулисной стороны событий, такую, в которой нам не придётся, вслед за утверждением об **очевидности** выбранной даты нападения на Цхинвал, читать, что “врасплох нас застигла не сама агрессия, а выбранное для нападения время” (там же).

Что же до версии “трубы” как важного, если не важнейшего фактора, в конечном счёте определившего действия РФ, то ведь о значении транзита энергоресурсов из Каспийского региона говорит не только привычно злокозненный Запад, и сам-то в своём поведении вряд ли руководствующийся чем-либо иным – например, задачами защиты демократии в Грузии, как то утверждает Маршалл Голдман. Сетующий при этом: “Некоторые американцы считают чрезмерный ответ России способом наказания Грузии за то, что Тбилиси позволил ВР построить трубопровод, который покончил бы с газо- и нефтепроводными монополиями Газпрома и “Транснефти”, по которым в Европу углеводороды поставляются из Центральной Азии”.

Но ведь не только “некоторые американцы” (и в их числе – корреспондент CNN при Госдепартаменте США) говорят об особом транзитном значении Грузии и, стало быть, роли факторов риска в этой серии “Большой Игры”. Так, ещё в августе в интернете можно было ознакомиться с точкой зрения одного из вице-спикеров (!) Госдумы, по совместительству занимающего должность председателя Российского газового общества: “Что касается экономического аспекта проблемы, то разгоревшийся конфликт может заставить вновь задуматься над рисками использования грузинской территории при реализации международных проектов в нефтегазовой сфере” (www.rbc.ru 25 августа 2008 г.).

К числу таковых относятся уже построенный нефтепровод БТД (Баку–Тбилиси–Джейхан) и находящийся в стадии проекта Nabucco – транскаспийский трубопровод, призванный поставлять туркменский газ в Европу в обход России. И уже 9–10 сентября, по горячим следам войны, в Баку состоялся международный бизнес-форум на тему “нефтегазового потенциала Туркмении и Азербайджана”, участники которого вовсе не скрывали, что больше всего их интересует именно Nabucco. Почему же полагать, что Россию, в чьей экономике нефтегазовый экспорт, к сожалению, играет ведущую роль, подобные проекты ничуть не интересуют и не беспокоят? Ведь в самом этом беспокойстве нет ничего предосудительного, равно как и в стремлении избежать нежелательного развития событий, – по крайней мере, до тех пор, пока соображения подобного рода не становятся абсолютно доминирующими. А потому попытки официальных лиц сделать вид, что мы вообще выше “трубы” и лишь спешим на помощь униженным и оскорблённым, столь же неубедительны, что и аналогичные попытки США.

Иное дело – вопрос о том, были ли соображения сугубо прагматического характера определяющими, а вот поверить в то, что приоритет отдавался праву и “исторической законности”, мешает как раз произведённая Россией селекция среди “непризнанных”. Селекция, синонимом которой является произвол, по самой сути своей чуждый идее права, предполагающего равенство перед законом. Она лишила убедительности традиционные протесты России против применения двойных стандартов, обесмыслила её поведение в “косовском вопросе” и, не исключено, привела к закрытию самого этого вопроса (чего, по крайней мере на уровне риторики, стремились избежать в марте). Поразительно, но признание Косова, в конце концов, стало прецедентом для РФ, и она сейчас апеллирует к нему во всех своих выступлениях на международной арене, доказывая, что Абхазия и Южная Осетия имели такое же право на признание, что и Косово, и даже большее. Верно. Но такое же право имеют Приднестровье и Нагорный Карабах. И ещё в начале марта, почти сразу же после начала процесса международного признания Косова, начальник Главного информационного управления при президенте Нагорно-Карабахской Республики Давид Бабаян выразил уверенность, что это, конечно, будет иметь последствия, иначе придётся открыто признать, что “одни народы более равны, чем другие” (“НГ-дипкурьер”, 3 марта 2008 г.). Что ж, последствия и в самом деле произошли, но отнюдь не те, на которые уповали. Станный, “вывернутый” способ обращения РФ к косовскому прецеденту сделал употребление будущего времени уже неуместным, и остаётся “открыто признать” новую реальность.

* * *

Суть её никто не описал лучше самого С. А. Лаврова: “Мы не можем считать людей некой “принадлежностью” чьей бы то ни было территории, которая может произвольно, без согласия этих людей переходить под суверенитет того или иного государства в нарушение Устава ООН, принципов Хельсинкского Заключительного акта. Такой подход возвращал бы нас – в сегодняшней Европе – к временам крепостного права”.

Превосходные слова, под каждым из которых можно охотно подписаться, – когда бы не сокрушительно опровергающая их практика. Уже в самом начале сентября Д. Медведев, принимая в Бочаровом Ручье президента непризнанной Приднестровской Молдавской Республики Игоря Смирнова, дал ему понять, что ситуация Приднестровья – не то же самое, что ситуация Абхазии и Южной Осетии, и вынудил последнего снять мораторий, наложенный им на переговоры с Кишинёвом в связи с тем, что президент Воронин не осудил действий Саакашвили в отношении Южной Осетии (НТВ, “Сегодня”, 19.00; 3 сентября 2008 г.).

Оскорбительность и пренебрежительность подобного жеста в комментариях, я думаю, не нуждаются, а сама, заявленная в подобной манере, линия поведения получила дальнейшее развитие, не оставляющее сомнений в том, что всем, вопреки очевидности ещё надеющимся на перемену участи, следует “оставить упования”.

Тему тотчас же подхватили журналисты и политологи, порою подавая её с прямо-таки обескураживающей откровенностью. На примере Приднестровья, поясняет “генеральную линию” В. Креславский в “Московской правде” (11 сентября 2008 г.), у России есть возможность показать, что она способна к мирному урегулированию конфликтов, а С. Маркедонов (“Коммерсантъ”, 16 сентября 2008 г.) идёт ещё дальше: Абхазия и Южная Осетия не станут прецедентом, “зато у Кремля есть серьёзная заинтересованность в нейтральной Молдове, а также в партнёрских отношениях с Баку”. Такое “зато” дорогого стоит, и если бы это ещё оставалось частной точкой зрения отдельных комментаторов. Но — нет, отнюдь нет. 19 сентября на страницах “Газеты” свой взгляд на вопрос изложил председатель Комитета по международным делам при Совете Федерации РФ Михаил Маргелов. И, видимо, не только свой, так как вначале следует представление некоторых тезисов из выступления министра иностранных дел РФ на расширенном заседании Комитета. Главный из них: признание независимости Абхазии и Южной Осетии не станет прецедентом для Приднестровья и Нагорного Карабаха. Маргелов поясняет: “Мы видим, что там процесс урегулирования продвигается. Кроме того, там нет ни геноцида населения, ни акта агрессии, что было со стороны Грузии”.

Здесь хочется протереть глаза и перечислить последние строки: полноте, вправду ли так и сказано? Да, так. Но тогда остаётся предположить одно из двух: либо незнание истории “непризнанных” (что было бы странно для должностного лица такого статуса), либо сознательное манипулирование ею — с расчётом на то, что большая, если не подавляющая часть населения РФ её уж точно не знает. И только немногие зададутся вопросом: о каком, собственно, времени идёт речь? Если об августе 2008 года, то ни геноцида, ни акта агрессии не было и в отношении превентивно признанной Абхазии. Но тогда почему на подобную же “превентивность” не могут рассчитывать и другие, в начале 90-х тоже прошедшие через жестокие войны? К слову сказать, в 1992 году грузинское вторжение в Абхазию, случившееся при ныне осуждающем Саакашвили экс-президенте Шеварднадзе¹, произошло тогда, когда ещё не успели остыть орудия на берегах Днестра. А что до войны в Нагорном Карабахе, то она вошла в историю как один из самых затяжных и кровопролитных конфликтов такого рода. И всё же — “вам отказано”. Без объяснения причин и даже без какого-либо подобия учёта народного волеизъявления. Так что же это, если не возвращение, в современной Европе, к крепостному праву, против чего — теоретически — так энергично протестует глава российского ведомства иностранных дел?

Ну а поскольку и в системе крепостного права существовали градации (оброк, что известно ещё со школьной скамьи, был легче “ярема барщины”, положение государственных крестьян — не столь стеснительно и тяжело, как помещичьих), то, видимо, следуя этой старой доброй традиции, российские государственные мужи для двух изгоев тяготы тоже распределяют по-разному. Слово — опять М. Маргелову, коль скоро он с такой охотой представляет соответствующую точку зрения: “Россия будет ратовать исключительно (!) за воссоединение Приднестровья с Молдовой и урегулирование в Карабахе”. Как говорится, почувствуйте разницу: для Карабаха ещё возможно рассмотрение различных вариантов, но за Приднестровье Россия уже всё решила, предписав ему только повиноваться.

Причины столь разного подхода следует, на мой взгляд, искать прежде всего в глубоком различии истории этих двух территорий, как в древности, так и — в особенности — в постсоветское время. Да, обе они оказались в составе претендующих на них государств-метрополий, ещё не столь давно титульных союзных республик, по произволу властей, при формировании этих республик не слишком считавшихся с историей и “мнением народным”. И потому, право же, смешно — насколько это возможно в нынешней, совсем не забавной ситуации — читать очередной пассаж М. Маргелова, в жаркой полемике с ПАСЕ заявившего, имея в виду включение Абхазии и Южной Осетии в состав Грузии: “А сейчас нас пытаются наказать за силовое умиротворение наследников Сталина и Берии” (“Коммер-

¹ И его министре обороны Тенгизе Китовани, любезно приглашённом А. Пушкиным в программу “Постскриптум” (11 октября 2008 г.), тоже для осуждения агрессивно-го Саакашвили. Как если бы из подобных уст оно звучало особенно убедительно.

санть”, 30 сентября 2008 года). Предполагается, видимо, что стоит лишь произвести эти “демонические” имена (особенно первое из них), как ПАСЕ ахнет, стогрит со стыда за своё невежество и поддержку “политических наследников” вышеупомянутых демонов. Признав, разумеется, свою неправоту.

Между тем вся эта публицистика, отдающая кухней 70-х годов и выросшей на этой же кухне пропагандистской риторикой первых лет перестройки, не имеет никакого отношения ни к реальной истории, ни к сути дела вообще. Стоит напомнить к тому же, что идея Союза как объединения произвольно выкроенных квазигосударств восходит к Ленину, а не к Сталину, предлагавшему – что хрестоматийно известно – существенно иной тип устройства советского государства. Но ведь даже и по предложенной, “кухонной”, логике и Приднестровье, и Карабах тоже являются жертвами тиранического произвола, а потому вправе, наряду с Абхазией и Южной Осетией, требовать ликвидации его последствий. Но перед ними почему-то вывешивается знак запрета, а тогда логично будет заключить, что “политическими наследниками” виновников былого самоуправления являются как раз те, кто, в не терпящем возражений тоне, в очередной раз пытаются вершить судьбы народов. В таком аспекте случаи Нагорного Карабаха и Приднестровья действительно схожи, однако в остальном различий между ними, пожалуй, больше, чем сходства.

* * *

Нагорный Карабах в годы распада Союза не выказывал никакой особой привязанности к нему, ориентируясь на свою “материнскую землю” – Армению, взявшую курс на выход из СССР и даже не проводившую референдум 17 марта 1991 года на своей территории. В то время как Приднестровская Молдавская Республика на всех этапах своей истории отчётливо заявляла о желании остаться в системе целого, какие бы формы это целое ни приняло. У Приднестровья, как части древнерусского государства, а затем Российской империи, нет иной “материнской земли”, кроме России. Оно, даже психологически, гораздо более зависимо от нее, в отличие от Нагорного Карабаха, от такой привязанности практически свободного. А поскольку с Арменией как со своим важным стратегическим партнёром вынуждена считаться сама РФ, то и её отношение к Нагорно-Карабахской Республике никогда не пересекало черты, за которой начинается грубая троекуровщина – что не раз имело и продолжает иметь место в отношении Приднестровья. Более того, совсем недавно, 14 марта 2008 года, Россия, наряду с Францией и США, отказалась поддержать принятую Генеральной Ассамблеей ООН резолюцию о положении на оккупированных территориях Азербайджана, что довольно болезненно было воспринято в этой, столь важной для России, стране. Но ведь не считаться с Арменией, а стало быть, и с Карабахом РФ тоже не может, откуда и проистекает заметная разница в оттенках отношения к двум оставшимся “непризнанным”.

И, право, только какой-то закоренелой неприязнью части московских журналистов к Приднестровской Молдавской Республике можно объяснить упорство, с каким, например, В. Дубнов (“Газета”, 17 сентября 2008 г.), рассказывая о своей недавней поездке в Нагорный Карабах, настаивает: “На переднем крае битвы за всеобщее признание он (Карабах. – К. М.) остался один”. И в другом месте: “Теперь Карабах оказался в проблеме непризнанности на переднем краю почти в одиночестве”. Что означает это загадочное “почти”, оставим на совести журналиста, потому что и пяти пальцев хватит, чтобы понять: речь может идти только о Приднестровье. И вот его положение и в самом деле гораздо более драматично, если не трагично.

Его малая матрица, Новороссия, полностью разрушена как историческая общность, обладающая собственным самосознанием. И это резко проявилось в середине сентября, когда Верховная Рада Крыма приняла постановление в поддержку действий России и выразила политическую поддержку народам Абхазии и Южной Осетии “в их праве на самоопределение”. В поддержку Приднестровья – ни слова, как не было ни слова и в дни думских слушаний, а ведь это исторически единый регион, и до революции нынешняя территория Приднестровской Молдавской Республики входила в состав Херсонской и Таврической губерний. Тактический расчёт крымских депутатов очевиден, но это того рода тактика, которая нередко губит стратегию или свидетельствует о её полном отсутствии.

И, если Нагорный Карабах уверенно опирается на обширную армянскую диаспору, то Приднестровье оказалось одиноко. А коль скоро говорить о его большой

“материнской земле”... Трудно представить себе Армению, выставляющую Нагорный Карабах на политические торги. Переговоры и компромиссы – это одно, но то, что делает сейчас Россия в отношении Приднестровья, “земли Суворова”, называется иначе и, пожалуй, не имеет аналогов во всей истории. Да и как понимать “воссоединение с Молдовой”, ставшее, как видим, идеей фикс российских властей? Приднестровье **воссоединилось** со своей исторической родиной тогда, когда в 1791 году по Ясскому мирному договору вошло в состав Российской империи. С Бессарабией же, являющейся, если воспользоваться выражением Ангелы Меркель, “ядровой” территорией Республики Молдова, оно было искусственно соединено в 1940 году. Это соединение стало одним из тех “последствий пакта Молотова–Риббентропа”, о ликвидации которых Верховный Совет тогда ещё союзной республики объявил летом 1990 года. Таким образом аннулировав то самое произвольное соединение Приднестровья с Бессарабией, которое РФ теперь предлагает реанимировать под видом “воссоединения”.

И вот ведь что поразительно: на всём постсоветском пространстве не сыскать аналога тому фавору, в котором на протяжении уже без малого двадцати лет пребывает у Москвы руководство Кишинёва. Так было при Снегуре, вначале первом секретаре молдавского ЦК, а затем лидере самого оголтелого, апеллирующего к фашистской Железной гвардии и Антонеску прорумынского национализма, Снегуре, развязавшем весной 1992 года прямо индуцированную из Румынии войну в Приднестровье. Так продолжается и при коммунисте Воронине, отнюдь не выведшем свою республику из откровенно антироссийского ГУАМа, не раз – в том числе и совсем недавно – подтверждавшем евроатлантическую ориентацию Молдовы, допустившем регистрацию прорумынской Бессарабской митрополии на её территории. А поскольку в Москве уже забыли – или из своеобразно понимаемых прагматических соображений стараются не вспоминать – о различии между Приднестровьем и Бессарабией, то Бухарест решился даже на попытку создать свою епархию и в **левобережных** Дубоссарах. Наконец, в Молдове стремительно растёт число лиц, принявших румынское гражданство, – их, по данным посольства Румынии в Кишинёве, уже около полумиллиона, но многие полагают, что гораздо больше.

Хорошо, можно забыть разницу между Приднестровьем и Бессарабией, можно забыть о Румянцеве, Потёмкине и Суворове, заложившем город-крепость Тирасполь, но забыть о том, что Румыния является членом НАТО? Это – называть прагматизмом? И при этом повелительно толкать Приднестровье к пресловутому “воссоединению”, неизбежно предполагающему ликвидацию с такими великими трудами и такой ценой созданных силовых структур, армии и милиции? Что ж, если перед нами и прагматизм, то особого рода, когда хитрящий обводит вокруг пальца самого себя. В отношении же Приднестровской Молдавской Республики такое поведение России заслуживает быть названным по имени: предательство. То самое предательство, о котором так много говорили в Цхинвале. К счастью, ошиблись. Но, несмотря на общую границу, на стянутую к этой границе войсковую группировку, город был разрушен, сотни людей погибли – так какие же гарантии безопасности может сегодня Москва давать Тирасполю! А если самым нежелательным для России образом изменится ситуация на Украине? Кто и как тогда защитит Приднестровье? “Рыцарская республика на Днестре”, как некогда молдавский писатель Богдан Хашдеу назвал упорно защищавшее свою свободу и независимость Дикое поле, этот вольнолюбивый и непокорный осколок Киевской Руси, ждала Россию, раз за разом, иногда в ущерб себе, изъявляя ей свою преданность. Ждала. Но вряд ли ей стоит дожидаться трупов теперь уже на улицах собственных городов и весей, тем более что она их уже видела и вправе искать иные пути.

У России ещё есть время отказаться от обветшавшего и грубого формата своего поведения в этом регионе. Оно не выдержало испытания реальностью. Но отказаться – значит действительно, а не на словах обратиться к праву, а не к “дышлу”, что, по “гамбургскому счёту”, стало бы подлинной стратегической победой России. Августовские события, при всём их драматизме и более чем неоднозначных последствиях, открыли для неё такую возможность. А, как правило, вторичного шанса история не даёт.